

Litera

Правильная ссылка на статью:

Тетенова М.А. Переводческая мотивация и предисловие Шарля Бодлера «Edgar Poe, sa vie et ses œuvres» к изданию текстов Э. А. По // Litera. 2024. № 2. С. 1-18. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.2.69562 EDN: QYRFLC
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69562

Переводческая мотивация и предисловие Шарля Бодлера «Edgar Poe, sa vie et ses œuvres» к изданию текстов Э. А. По

Тетенова Мария Александровна

аспирант, кафедра истории и методологии перевода, Московский Государственный Университет им.
МВ. Ломоносова

119234, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, корп. 51

✉ tetenova.mariia@gmail.com

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.2.69562

EDN:

QYRFLC

Дата направления статьи в редакцию:

06-01-2024

Дата публикации:

13-01-2024

Аннотация: Шарль Бодлер в первую очередь известен как французский поэт, автор снискавшего всемирную славу поэтического сборника «Цветы зла» («Les Fleurs du Mal»). Однако он также известен как переводчик: именно он создал переводы, изменившие литературную судьбу не признанного в своё время гения – Эдгара Аллана По. К сборнику своих переводов «Histoires extraordinaires» он написал 24-страничное предисловие, на основе которого автор проводит анализ подхода поэта к переводу, фиксирует его аргументацию и мотивацию. В рамках данной статьи автор приводит анализ предисловия Ш. Бодлера и изучает, почему связь между этими фигурами неоднократно называлась исследователями абсолютно исключительной. Предметом исследования является мотивация Ш. Бодлера к переводу текстов Э. А. По, которую он

поясняет как в предисловии к изданию текстов американского писателя, так и в личной переписке. Объектом исследования является предисловие под заголовком «*Sa vie et ses œuvres*», написанное Ш. Бодлером к изданию текстов Э. А. По в его собственном переводе, опубликованное издательством «Michel Lévy» в 1869 году. Основным методом исследования послужил детальный анализ текста предисловия Ш. Бодлера «*Edgar Poe, sa vie et ses œuvres*» к изданию текстов Э. А. По в его собственном переводе 1869 года. Особым вкладом автора в исследование темы является подробное изучение предисловия Ш. Бодлера в качестве артефакта, содержащего формулировку переводческой мотивации непосредственно самим переводчиком. Артефакт представляется автору тем ценнее, что переводчик является известным поэтом с особым, узнаваемым стилем, что, очевидно, накладывает свой отпечаток на его переводы. Основными выводами данного исследования являются: необходимость изучения феномена Бодлера-переводчика не только по предисловиям к переводам, но и по его высказываниям в переписке, а также в изучении культурной эпохи, сопутствующей созданию данных переводов и содержавшей в себе такие события, как противостояние романтиков и Парнасской школы. Научная новизна заключается в создании детального анализа, с опорой на который могут исследоваться более конкретные эпизоды жизни и творчества Ш. Бодлера как переводчика.

Ключевые слова:

перевод, переводческая мотивация, предисловие, Шарль Бодлер, Эдгар По, переводоведение, лингвистика, переводческий комментарий, процесс перевода, переводческая стратегия

«Закончить перевод оригинального текста» для переводчика не обязательно значит «закончить работу». После завершения непосредственно самого перевода текста переводчик часто приступает к новому этапу, важному для него как профессионала и ремесленника: он представляет свою работу, то есть пишет своего рода сопроводительный комментарий. У комментария могут быть самые разные цели, как и формы: постраничные сноски, внутритекстовые комментарии в скобках, предваряющие саму работу предисловия и внетекстовые высказывания в тематических изданиях, программах, форумах и т.п. Именно в этих комментариях исследователи находят те самые «откровения» переводчиков: о том, как быть переводчиком, о своих собственных отношениях с автором текста, об особом восприятии: текста или/и автора, о трудностях, с которыми они столкнулись при выполнении своей работы, об инструментах, которые они использовали, чтобы преодолеть эти самые трудности. Комментарии тем важнее, что они становятся ценными артефактами для исследователей, изучающих переводы и работающих в русле переводоведения. Именно переводческие комментарии являются объективным мерилем для препарирования текста перевода, для его критики: исследователь и читатель уже заранее получает эту особую настройку, задаваемую переводчиком, для чтения определённого перевода, читатель получает возможность принять во внимание всё то особое, что имеет сказать переводчик, настроить свой «фокус». Французский исследователь Мишель Баллар подчёркивает ценность переводческих комментариев:

«Если мы посмотрим на историю перевода и переводоведения, то увидим, что [...] именно сами переводчики испытывают навязчивую потребность говорить о своей работе. От Цицерона до Ива Боннефуа, от Лютера до Этьена Доле, от Джона Драйдена до

Джорджа Кэмпбелла, от Андре Жида до Владимира Набокова: переводчики не перестают считать свою работу объектом изучения, иными словами, они сами занимаются одной из форм переводоведения. (перевод наш – прим. авт.) (фр. ориг. Si l'on considère l'histoire de la traduction et de la traductologie on constate [...] que ce sont les traducteurs eux-mêmes qui éprouvent le besoin, de façon compulsive, de parler de leur travail. De Cicéron à Yves Bonnefoy, en passant par Luther, Étienne Dolet, John Dryden, George Campbell, André Gide ou Vladimir Nabokov, les traducteurs n'ont cessé de prendre leur travail pour objet de discours, c'est-à-dire de pratiquer des formes de traductologie.) [Ballard 1992 : 273]

К переводческим комментариям, которые не могут быть обделены вниманием, нельзя не отнести предисловия Шарля Бодлера. Шарль Бодлер, известный французский поэт XIX века, трудился не только над собственными произведениями, но и над переводами других авторов. Переводы Ш. Бодлера сегодня изучаются не только как переводы, сделанные поэтом и писателем, но и как отпечатки, засечки на пути формирования непосредственно его собственного поэтического языка. Особый интерес при изучении переводческих артефактов, оставленных Ш. Бодлером, представляют написанные им предисловия, в которых поэт-переводчик не только описывал своё видение авторского текста, но и отмечал своё собственное отношение к автору, называя американского поэта «сильнейшим пером того времени», «одним из величайших гениев, когда-либо существовавших» [Bentabet 2015: 7], давал оценку стилю, называя Э. По «слишком умным» для своего времени и окружения («... он писал в стиле, чрезмерно превышающем средний уровень образованности, чтобы ему хорошо платили») (перевод наш – прим. авт.) (фр. ориг. «...il écrivait dans un style trop au-dessus du niveau intellectuel commun pour qu'on pût le payer cher» [Baudelaire 1856 : 19]), освещал свою переводческую стратегию («Мне почти нечего сказать о произведениях этого необычного гения. Публика сама определится со своим мнением о них. Для меня, вероятно, было бы трудно, но не невозможно разгадать его метод, объяснить его подход к работе, особенно в той части его произведений, где главный эффект заключается в продуманном анализе.») (перевод наш – прим. авт.) (фр. ориг. «Des ouvrages de ce singulier génie, j'ai peu de chose à dire. Le public fera voir ce qu'il en pense. Il me serait difficile, peut-être, mais non pas impossible de débrouiller sa méthode, d'expliquer son procédé, surtout dans la partie de ses oeuvres dont le principal effet gît dans une analyse bien ménagée.») [Baudelaire 1856: 28].

Ш. Бодлер известен в первую очередь как автор сборника «Цветы зла» («Les Fleurs du Mal»), опубликованного в августе 1857 года. Своим современникам Ш. Бодлер был известен как журналист и критик искусства, работавший в журнале «Liberté de penser», денди, растративший половину состояния отца за полтора года, после чего судом ему предпишут ограниченный ежемесячный пансион в 200 франков [Natta 2017: 133], «Данте падшей эпохи» (перевод наш – прим. авт.) (ориг. фр. «Dante d'une époque déchue») [Aurevilly: 380], «тяготеющий к классицизму, возвращенный романтизмом» (перевод наш – прим. авт.) (ориг. фр. «tourné vers le classicisme, nourri de romantisme») [Décaudin: 402], неоднократно замеченный в употреблении наркотиков и страдающий от сифилиса, что оставит свой след в его творчестве.

Именно в журнале «La Liberté de penser», где Бодлер работал главным редактором, был опубликован рассказ Эдгара Аллана По «Месмерическое откровение» (англ. Mesmeric Revelation) в переводе Ш. Бодлера под заголовком «Révélation magnétique» — именно эта публикация положила начало череде переводов Э.А. По Ш. Бодлером. Именно этот момент, 15 июля 1848 года, принято считать за отправную точку увлечения французского поэта американским автором: с того момента он неоднократно будет эксплицитно

выражать своё восхищение Э. По, а также переводить его произведения. По мнению Робера Коппа, появление творчества Э. По в жизни Ш. Бодлера имело столь особое значение, что Ш. Бодлер даже оставил свою «революционерскую лихорадку» (перевод наш – прим. авт.) (фр. оригинал. *La connaissance des œuvres de Poe et de Joseph de Maistre atténuée définitivement sa « fièvre révolutionnaire »*) [Kopp: 60].

В 1856 году выходит сборник рассказов Э. А. По в переводе Ш. Бодлера под названием «*Histoires extraordinaires*», к которому переводчик пишет объёмное предисловие, разделённое на 4 главы. В сам сборник вошли 13 рассказов: «*Double assassinat dans la rue Morgue*» (англ. *The Murders in the Rue Morgue*); «*La Lettre volée*» (англ. «*The Purloined Letter*»); «*Le Scarabée d'or*» (англ. «*The Gold Bug*»); «*Le Canard au ballon*» (англ. «*The Balloon-Hoax*»); «*Aventure sans pareille d'un certain Hans Pfaall*» (англ. «*The Unparalleled Adventure of One Hans Pfaall*»); «*Manuscrit trouvé dans une bouteille*» (англ. *MS. Found in a Bottle*); «*Une descente dans le Maelstrom*» (англ. *A Descent into the Maelström*); «*La Vérité sur le cas de M. Valdemar*» (англ. *The Facts in the Case of M. Valdemar*); «*Révélation magnétique*» (англ. *Mesmeric Revelation*); «*Les Souvenirs de M. Auguste Bedloe*» (англ. «*A Tale of the Ragged Mountains*»); «*Morella*» (англ. «*Morella*»); «*Ligeia* » (англ. *Ligeia*); «*Metzengerstein* » (англ. «*Metzengerstein*»). Часто представляемый как продолжение рассказа «*Double assassinat dans la rue Morgue*» (англ. *The Murders in the Rue Morgue*) рассказ «*Le Mystère de Marie Rogêt*» (англ. *The Mystery of Marie Rogêt*) в переводе Ш. Бодлера будет опубликован позже, в сборнике «*Histoires grotesques et sérieuses*» в 1864 году.

Эдгар Аллан По (1809 – 1849), ставший объектом столь живого интереса для Ш. Бодлера, сегодня считается одним из наиболее известных представителей американского романтизма. В первую очередь, он известен своей прозой, хотя также существуют стихи, критические заметки и статьи его авторства. Стоит особенно подчеркнуть течение романтизма, повлиявшее на становление авторского языка и стиля обоих авторов: оба автора выстроили свой поэтический язык в процессе препарирования данной им эпохой романтической базы. Так, символизм, который впоследствии сформируется на основе текстов в том числе и Ш. Бодлера корнями уходит в романтизм: символизм во многом переосмысливал основные, ключевые для романтизма категории, такие как страсть, понимание красоты (эстетика), эго героя.

Ш. Бодлер неоднократно подчёркивал общность взглядов на искусство с Э.А. По, даже несмотря на разность происхождения и культур: «Он верил, будучи истинным поэтом, что цель поэзии состоит в том же, в чём и её принцип, и что она не должна иметь своей целью ничего другого, кроме самой себя.» (перевод наш – прим. авт.) (ориг. фр. *Il croyait, en vrai poète qu'il était, que le but de la poésie est de même nature que son principe, et qu'elle ne doit pas avoir en vue autre chose qu'elle-même.*) [Baudelaire 1856: 16]. О самом себе Ш. Бодлер говорит буквально то же самое: «Поэзия, если только вы захотите погрузиться в себя, допросить свою душу, вспомнить свои полные счастья воспоминания, не имеет другой цели, кроме как самой себя.» (перевод наш – прим. авт.) (фр. оригинал. «*La poésie, pour peu qu'on veuille descendre en soi-même, interroger son âme, rappeler ses souvenirs d'enthousiasme, n'a pas d'autre but qu'elle-même.*») [Baudelaire 1868: 21] Это не единственный пример общего анализа фигуры Э.А. По в предисловии к «*Histoires Extraordinaires*»: Бодлер в целом описывает не столько текст, над которым он работал, сколько самого Э. А. По, его жизнь и его творческий путь, а также сложности, с которыми ему, По, пришлось столкнуться:

«Он верил только в неизменное, вечное, единое, и наслаждался — жестокая привилегия в любящем себя обществе! — тем великим макиавеллианским здравым смыслом, что идёт

перед мудрецом, как столб света, через пустыню истории. – Что бы подумал, что написал бы он, несчастный, если бы услышал, что богослов упраздняет ад из дружеского чувства к роду человеческому, а философ чисел даёт гарантии, что за один су с человека он отменил бы войну — и заодно смертную казнь и правила правописания, эти два следующих друг за другом безумства! – и так много других больных, которые записывают, наострив уши по ветру, свои кружащиеся фантазии, столь же неуловимые, как и стихия, диктующая их им? — Если прибавить к этому безупречному видению истины (что являлось настоящим недугом в некоторых обстоятельствах) изысканную утонченность чувства, которое мучила фальшивая нота; тонкость вкуса, которую всё, кроме точной пропорции, приводило в возмущение; ненасытную любовь к Красоте, которая вобрала в себя всю мощь нездоровой страсти; не удивись, что для такого человека жизнь стала адом и что кончил он дурно; вы будете восхищаться тем, что это могло продолжаться так долго.» (перевод наш — прим. авт.) (ориг. фр. *Il ne croyait qu'à l'immuable, à l'éternel, au selfsame, et il jouissait – cruel privilège dans une société amoureuse d'elle même! – de ce grand bon sens à la Machiavel qui marche devant le sage, comme une colonne lumineuse, à travers le désert de l'histoire. – Qu'eût-il pensé, qu'eût-il écrit, l'infortuné, s'il avait entendu la théologienne du sentiment supprimer l'Enfer par amitié pour le genre humain, le philosophe du chiffre proposer un système d'assurances, une souscription à un sou par tête pour la suppression de la guerre, – et l'abolition de la peine de mort et de l'orthographe, ces deux folies corrélatives ! – et tant d'autres malades qui écrivent, l'oreille inclinée au vent, des fantaisies giratoires aussi flatueuses que l'élément qui les leur dicte ? – Si vous ajoutez à cette vision impeccable du vrai, véritable infirmité dans de certaines circonstances, une délicatesse exquise de sens qu'une note fausse torturait, une finesse de goût que tout, excepté l'exacte proportion, révoltait, un amour insatiable du Beau, qui avait pris la puissance d'une passion morbide, vous ne vous étonnerez pas que pour un pareil homme la vie soit devenue un enfer, et qu'il ait mal fini ; vous admirerez qu'il ait pu durer aussi longtemps.)*

Ш. Бодлер впервые открыл для себя американского поэта Эдгара Аллана По в переводе Изабель Менье, опубликованном в газете «La Démocratie pacifique» 27 января 1848 г.: опубликован был короткий рассказ «Le Chat Noir» (ориг. англ. *The Black Cat*). О впечатлениях французского поэта вспоминает Шарль Асселино, близкий друг Ш. Бодлера, в своей книге «Charles Baudelaire : sa vie, son oeuvre»: «С первых чтений он воспылал восхищением этим неизвестным гением, с которым он совпадал в самых тончайших вопросах. Таких одержимостей: столь совершенных, столь быстрых, столь абсолютных, я встречал немного. Где бы он ни был, на улице, в кафе, в типографии, утром, вечером, он спрашивал своих собеседников: «Знаете ли вы Эдгара По?» И, в зависимости от ответа, либо горячо изливал свой энтузиазм, либо заваливал вопросами своего слушателя.» (перевод наш – прим. авт.) (ориг. фр. «*Dès les premières lectures il s'enflamma d'admiration pour ce génie inconnu qui affinait au sien par tant de rapports. J'ai vu peu de possessions aussi complètes, aussi rapides, aussi absolues. A tout venant, où qu'il se trouvât, dans la rue, au café, dans une imprimerie, le matin, le soir, il allait demandant : – Connaissez-vous Edgar Poe ? Et, selon la réponse, il épanchait son enthousiasme, ou pressait de questions son auditeur.*») [Asselineau 1869: 39] Бодлер признает это и сам: «Я нашел американского писателя, который вызвал во мне невероятную симпатию». (перевод наш – авт.) (ориг. фр. «*J'ai trouvé un auteur américain qui a excité en moi une incroyable sympathie* ».) [Bentabe 2015: 103]

В июле 1848 года в журнале «Liberté de penser» появляется первый перевод Ш. Бодлера рассказа Э.А. По «Магнетическое откровение» (англ. *Mesmeric Revelation*), и, хотя он не был ни первым переводчиком Э.А. По, ни его первооткрывателем, Ш. Бодлер стал

считаться основным и наиболее известным переводчиком Э.А. По, а также способствовал его популяризации во Франции. В результате работы Ш. Бодлера американский автор находит во Франции популярность и признание, которых у него не было в его родной стране. Несмотря на превалирующую популярность переводов пера Ш. Бодлера, Эдгара По переводили и другие писатели и поэты: Уильям Хьюз, Фрэнсис Раббе, Изабель Менье и другие. Однако, именно Ш. Бодлер составил собрание рассказов Э. А. По в трёх томах для французской публики, которое стало судьбоносным для признания американского автора. Рассказы, представленные в этом сборнике, составляют примерно две трети «Tales» (1846), сборника, изданного при жизни Э.А. По. Ш. Бодлер переводил именно эти тексты: американский поэт уже мёртв на момент начала работы Ш. Бодлера. Французский поэт, тем не менее, видит между ними особое художественное родство, которое в его глазах объясняет схожесть их мышления и восприятия. К тому же, их жизненное и финансовое положение весьма схожи: несчастные, бедные, погрязшие в долгах и зависимостях, они подначиваемы своим талантом искать «новое» искусство, переопределять и создавать его заново. Будучи современниками с разницей в 12 лет, они проживают недолгую жизнь: 40 лет для американца и 46 лет – для француза. Во Франции в этот момент происходит революция в мире литературы: против классиков выступает Парнасская школа, объявляя новые ценности. И пусть Ш. Бодлер и не причислял себя к парнасцам, а По и вовсе не знал о них, они, тем не менее, вторят их тезисам: искусство должно быть ради искусства. Такое глобальное совпадение мировоззрений не могло не оставить следа для француза, о чём он сам открыто свидетельствует. Его цитату приводит в своей книге литературный критик Леон Лемоннье:

«Что весьма необычно и что я не могу не заметить, так это близкое сходство, хотя и не намеренно подчёркнутое, между моими собственными стихами и стихами этого человека, <что есть> следствие наличия определённых темперамента и атмосферы.» (перевод наш – прим. авт.) (фр. ориг. «Ce qu'il y a d'assez singulier, et ce qu'il m'est impossible de ne pas remarquer, c'est la ressemblance intime, quoique non positivement accentuée, entre mes poésies propres et celles de cet homme, déduction faite du tempérament et du climat.») [Lemonnier: 108]

Ш. Бодлер посвятил свое время и свой труд переводу Э.А. По, ибо обнаружил, что американский поэт и писатель похож на него самого, он увидел в Э. А. По «mon semblable, mon frère». Об этом он говорит прямо в своём письме Теофилю Торе 1864 года: «Знаете, почему я так терпеливо переводил По? Потому что он был похож на меня. В первый раз, когда я открыл его книгу, я с ужасом и восторгом увидел не только придуманные мною сюжеты, но и фразы, придуманные мною и написанные им двадцать лет назад.» (ориг. фр. Savez-vous pourquoi j'ai si patiemment traduit Poe ? Parce qu'il me ressemblait. La première fois que j'ai ouvert un livre de lui, j'ai vu avec épouvante et ravissement, non seulement des sujets rêvés par moi mais des phrases pensées par moi, et écrites par lui vingt ans auparavant.) [Baudelaire: 123]

Леон Лемоннье находит Ш. Бодлера идеальным переводчиком для такого писателя и поэта, как Э.А. По, он утверждает, что для того, «чтобы передать всю исключительность Эдгара По в полной мере, нужен был человек, равный ему по таланту и чья душа вибрировала бы в унисон с его собственной: и это Шарль Бодлер.» (перевод наш – прим. авт.) (фр. ориг. « pour rendre à Edgar Poe son originalité entière, il faudra un homme qui soit son égal par le talent et dont l'âme accordée vibre à l'unisson de la sienne : Charles Baudelaire.») Стоит отметить, что Леон Лемоннье знал, о чём говорил: сам он перевёл 30 эссе и 30 рассказов Э.А. По, которые были опубликованы в его переводе на

французский язык только 90 лет спустя в издании *Classiques Garnier* 1950 года. Так, 47 текстов, переведённые Ш. Бодлером, далеко не исчерпывают творчества Э.А. По, хотя именно им во многом был предопределён французский образ американского писателя. Говоря об особом французском образе Э.А. По, представляется необходимым привести цитату Ш. Асселино, что большинство поклонников По — французы, в то время как его хулители неизменно англосаксонцы, и приписывает <ответственность за это> Бодлеру. [Asselineau 1967: 99] Тот факт, что «французское лицо» По оказалось куда более привлекательным, чем английское, заставляет нас задаться вопросом, в какой мере переводы Ш. Бодлера могут быть причиной этой разницы во мнениях критиков.

Разница во мнениях критиков действительно разительна: Леон Лемоннье даже приводит отзыв читателя из *Revue Française*, написанный после прочтения предисловия и рассказов в переводе Ш. Бодлера: «В своем предисловии господин Бодлер показал американский характер своего автора с такой силой сочувствия и таланта, что рискует переборщить, ибо пока, признаюсь, я прочитал только половину книги, и предисловие кажется мне самой важной частью, самой трогательной, самой человеческой и даже самой необычной историей.» (перевод наш – прим. авт.) (фр. ориг. « M. Baudelaire a, dans sa préface, exhibé le personnage américain de son auteur avec une verve de sympathie et de talent qui risque fort de dépasser le but, car jusqu'ici, je dois l'avouer, n'ayant encore lu que la moitié du livre, la préface m'en paraît le morceau capital, l'histoire la plus touchante, la plus humaine et même la plus extraordinaire. ») [Lemonnier 1928: 155] Так, задавшийся целью заставить французское общество принять и понять американца французский поэт настолько вложил всего себя в это предисловие, что читатели порой оставались впечатлены настолько, что рассказы самого Э.А. По не могли сравниться с той проникновенностью и эмпатией, что излагал француз в своём комментарии. Эта чувственная и болезненная привязанность Ш. Бодлера к американскому писателю фиксируется, цементируется в предисловии для будущего, благодаря переводам текстов Э.А. По. Несмотря на разность культур и происхождений и расстояние между ними, Ш. Бодлер оказывается способен различить среди строк сходство их видений, жизней, талантов, испытать к уже покойному американскому писателю настоящее восхищение. Таким образом, при прочтении предисловия их отношения кажутся нам как будто бы личными, интимными, общими, где два поэта разделяют одни взгляды на Искусство, они кажутся как будто ратующими друг за друга. Наконец, Ш. Бодлер как будто отождествляет себя с По, он узнает себя в его творчестве, а его – в самом себе.

Предположим, что именно по причине своей глубокой привязанности Ш. Бодлер не может позволить Э.А. По остаться неизвестным писателем для Франции. Французский поэт в своей переписке с Сен-Бёвом формулирует свою цель так: «Необходимо, то есть я хочу, чтобы Эдгар По, который не особо известен в Америке, стал великим человеком для Франции» (перевод наш – прим. авт.) (ориг. фр. Il faut, c'est-à-dire que je désire qu'Edgar Poe qui n'est pas grand'chose en Amérique, devienne un grand homme pour la France») [Baudelaire 1932: 352] Такая формулировка подразумевает его восприятие переводческого дела как серьёзную миссию, где он хочет создать определённое восприятие Э.А. По – такое же подобоострастное и полное восхищения, как у самого Ш. Бодлера, — и это становится основным нарративом вокруг американского поэта. Именно благодаря труду Ш. Бодлера именно такой ореол сопровождает Э. А. По во Франции, а Стефан Малларме пишет в начале сборника своих переводов Э.А. По следующие слова: «памятник французского вкуса гению, который, как и наши самые почитаемые мастера, оказал на нас влияние» (фр. ориг. «un monument du goût français au génie qui à l'égal de nos maîtres les plus vénérés, exerça chez nous une influence») [Jones : 1] Так, Поль Валери в своей книге «*Situation de Baudelaire*» также уделяет внимание выдающимся

переводам текстов Э.А. По Ш. Бодлером: «Этот великий человек был бы сегодня совершенно забыт, если бы Бодлер не потрудился ввести его в европейскую литературу. Заметим здесь, что всеобщая слава Эдгара По практически отсутствует или оспаривается только на его родной земле и в Англии.» (фр. ориг. *Ce grand homme serait aujourd'hui complètement oublié, si Baudelaire ne se fût employé à introduire dans la littérature européenne. Ne manquons pas de d'observer ici que la gloire universelle d'Edgar Poe n'est faible ou contesté que dans son pays d'origine et en Angleterre.*) [Valéry: 20]

Француз хочет представить американского писателя французской публике не только посредством перевода, но и представляя личность, жизнь и деятельность своего американского коллеги в своих предисловиях, критических заметках и статьях. В рассматриваемом нами предисловии он подробно описывает жизнь Э. По, его взгляды на искусство, его семью, его любовь, его тексты, обстоятельства его смерти. Когда он знакомится с текстами американца, он хочет знать всё о нём, несмотря на отсутствие изданий полных собраний сочинений: Бодлер пользуется своими знакомствами и получает от американцев, живших в Париже, выпуски газет, в которых публиковались тексты Э.А. По.

Ш. Бодлер в предисловии уделяет много внимания биографии Э.А. По, подчёркивая его ум и утончённость. Это также отмечает Клэр Хённеке в своей диссертации под названием «Бодлер – переводчик По»: «В статьях и предисловиях Бодлера больше внимания уделяется фигуре автора, чем его творчеству. Например, в статье 1852 г., а также в её переработке в предисловии к "Histoires Extraordinaires" 1856 г. Бодлер предлагает читателям сильное и выразительное биографическое изложение, а его сугубо литературный анализ, очень короткий, остается поверхностным и во многом "заимствованным" у различных американских критиков, на статьях которых Бодлер основывался при написании своих заметок». (перевод наш – прим. авт) (фр. ориг. <...> *les articles et préfaces de Baudelaire portent davantage sur la figure de l'auteur que sur son oeuvre. Dans l'article de 1852, par exemple, ainsi que dans sa refonte en préface aux HE de 1856, Baudelaire offre à ses lecteurs une présentation biographique forte et évocatrice, tandis que son analyse strictement littéraire, très courte, reste superficielle, et qu'elle est en grande partie « empruntée » à différents critiques américains, sur les articles desquels Baudelaire s'est appuyé pour écrire ses notices.*) [Hennequet 2005: 17] Рассмотрим предисловие более детально, чтобы убедиться, насколько такой вывод справедлив.

В первой части предисловия, занявшей неполных 5 страниц в издании 1856 года, Ш. Бодлер начинает своё представление Э.А. По: он начинает его как писателя, как поэта, представляя читателю картину посмертного суда над душами: «Не так давно перед нашим судом предстал несчастный человек, на лбу которого красовалась редкая и необычная татуировка: "Не везёт!" То была этикетка его жизни, которую он носил над глазами, как книга носит свое название, и наше исследование показало, что этот причудливый знак был жестоко правдив.» (перевод наш – прим. авт.) (фр. ориг. «*Dans ces derniers temps, un malheureux fut amené devant nos tribunaux, dont le front était illustré d'un rare et singulier tatouage : Pas de chance ! Il portait ainsi au-dessus de ses yeux l'étiquette de sa vie, comme un livre son titre, et l'interrogatoire prouve que ce bizarre écriteau était cruellement véridique.*») [Poe 1856: 7] С самых первых строк Ш. Бодлер представляет Э. А. По как человека, с которым несправедливо обошлась судьба, кто незаслуженно оказался погрязшим в невыносимых тяготах жизни артиста, от фр. *artiste* – человек искусства, чью тонкую душевную организацию общество не понимает и не принимает: «В истории литературы есть похожие судьбы, настоящие проклятия, — люди, на чьих испещрённых морщинами складках лба загадочно было написано

"усердствующее невезение". Слепой Ангел искупления схватил их и хлещет в назидание другим. Напрасно в их жизни проявляются талант, добродетель и благодать. Общество готовит для них особую анафему и обвиняет их в недугах, причиной которым и были эти гонения.» (перевод наш — прим. авт.) (фр. оригинал. Il y a, dans l'histoire littéraire, des destinées analogues, de vraies damnations, – des hommes qui portent le mot guignon écrit en caractères mystérieux dans les plis sinueux de leur front. L'Ange aveugle de l'expiation s'est emparé d'eux et les fouette à tour de bras pour l'édification des autres. En vain leur vie montre-t-elle des talents, des vertus, de la grâce ; la Société a pour eux un anathème spécial, et accuse en eux les infirmités que sa persécution leur a données.) [Poe 1856: 7] Для слова «guignon» электронный словарь Larousse предлагает такое истолкование: «Malchance persistante, en particulier au jeu», т.е. настойчивое (устойчивое, усердствующее) невезение, особенно в игре. (перевод наш — прим. авт.) Так Ш. Бодлер подчёркивает жестокую по отношению к Э.А. По судьбу, беспрестанно создающую препоны американскому поэту и писателю. Даже выбор слов представляет Э.А. По как словно бы проигравшего в казино, предпринявшего множество попыток выиграть, — только вот финальной ставкой оказалась жизнь, а попытки то были направлены на обретение контроля над нею.

Первая часть предисловия не содержит объективного описания жизни американского писателя, о ней мы узнаем из второй части предисловия. Первая же часть целиком и полностью вбирает в себя репрезентацию отношения французского поэта к своему коллеге, где он высокопарными («добавляю нового святого в список мучеников» (перевод наш – прим. авт.) (фр. оригинал. «j'ajoute un saint nouveau au martyrologe») конструкциями неустанно выделяет и подчёркивает, что «<...> поэт не может найти себе места ни в демократическом, ни в аристократическом обществе, ни в республике, ни в абсолютной, ни в умеренной монархии.» (перевод наш – прим. авт.) (фр. оригинал. le poète ne pouvait trouver une bonne place ni dans une société démocratique ni dans une aristocratique, pas plus dans une république que dans une monarchie absolue ou tempérée.) [Poe 1856: 8]

Ш. Бодлер ясно и прямо говорит о том, какую задачу он ставит для себя в предисловии к сборнику рассказов: «Я должен написать историю об одном из этих прославленных несчастных, чрезмерно богатых поэзией и страстями, пришедших, вслед за многими другими, в этот мир, чтобы усвоить суровые уроки гения среди низких душ.» (перевод наш – прим. авт.) (фр. оригинал. «j'ai à écrire l'histoire d'un de ces illustres malheureux, trop riche de poésie et de passion, qui est venu, après tant d'autres, faire en ce bas monde le rude apprentissage du génie chez les âmes inférieures.») [Poe 1856: 8] Нельзя оставить без внимания полные злобы и горечи заявления Ш. Бодлера, в которых он порицает «педанта-вампира» (фр. оригинал. «pédagogue-vampire») Э.А. По. Присутствие таких эмоциональных заявлений как ничто другое свидетельствует о личной привязанности к переводимому автору, об особой боли за судьбу Э.А. По, в том числе судьбу как писателя и поэта: «Некоторые осмелились пойти дальше и, соединив крайнее непонимание его гения со свирепостью буржуазного лицемерия, оскорбляли его снова и снова. В частности, мистер Руфус Грисволд, который, если вспомнить мстительное выражение мистера Джорджа Грэма, совершил тогда бессмертную подлость. По, возможно, предчувствуя скорый конец, назначил мистера Грисволда и Джорджа Грэма, чтобы они привели в порядок его произведения, описали его жизнь и восстановили память о нём. Этот вампир-педант долго поливал грязью своего друга в огромной, плоской и ненавистной статье, размещённой прямо во главе посмертных его произведений.» (перевод наш – прим. авт.) (фр. оригинал. Quelques-uns ont osé davantage, et, unissant l'intelligence la plus lourde de son génie à la férocité de l'hypocrisie

bourgeoise, l'ont insulté à l'envi ; et, après sa soudaine disparition, ils ont rudement morigéné ce cadavre, – particulièrement M. Rufus Griswold, qui, pour rappeler ici l'expression vengeresse de M. George Graham, a commis alors une immortelle infamie. Poe, éprouvant peut-être le sinistre pressentiment d'une fin subite, avait désigné M. Griswold et Willis pour mettre ses oeuvres en ordre, écrire sa vie et restaurer sa mémoire. Ce pédagogue-vampire a diffamé longuement son ami dans un énorme article, plat et haineux, juste en tête de l'édition posthume de ses oeuvres.» [Poe 1856: 9] В следующей фразе Ш. Бодлер ещё острее укалывает людей, не оценивших по достоинству гения, которого он ассоциирует с собой, как будто По – это альтер-эго Ш. Бодлера, родился тот на другом континенте:

«Значит, в Америке не существует закона, запрещающего собакам вход на кладбища?» (перевод наш - прим. авт.) (фр. orig. Il n'existe donc pas en Amérique d'ordonnance qui interdise aux chiens l'entrée des cimetières ?) [Poe 1856: 9] И то не предел восхвалению Э.А. По Ш. Бодлером: француз отказывается называть По всего лишь «талантом», ведь «talant продаётся лучше, чем гений» (перевод наш - прим. авт.) (фр. orig. «le talent s'escomplant toujours plus facilement que le génie») [Poe 1856: 9] Цитата эта не вмещает всего взгляда Ш. Бодлера на одарённость как концепт: в первой части Ш. Бодлер не оставляет без внимания даже вопрос разности культур и происхождения, представляя своё видение, какую роль сыграла родина Э.А. По в сложении его судьбы: «трудно думать и писать спокойно в стране с миллионами правителей, в стране, где нет ни столицы, строго говоря, ни аристократии» (перевод наш – прим. авт.) (фр. orig. «qu'il doit être difficile de penser et d'écrire commodément dans un pays où il y a des millions de souverains, un pays sans capitale à proprement parler, et sans aristocratie, <...>») [Poe 1856: 10] Представлению своего видения Соединённых Штатов Америки Ш. Бодлер уделяет целый абзац: в нём и европейский взгляд на США («Соединенные Штаты - гигантская страна-ребенок, естественным образом завидующий старому континенту.» (перевод наш – прим. авт.) (фр. orig. «Les Etats-Unis sont un pays gigantesque et enfant, naturellement jaloux du vieux continent»), и комментарии по поводу экономической модели США («Гордясь своим аномальным, почти чудовищным материальным, вещественным развитием, этот новичок в истории наивно верит во всемогущество промышленности.») (фр orig. «Fier de son développement matériel, anormal et presque monstrueux, ce nouveau venu dans l'histoire a une foi naïve dans la toute-puissance de l'industrie»), и критика свойственного американцам, по мнению французского поэта, материалистического взгляда на мир («Материальная деятельность, преувеличенная до масштабов национальной мании, оставляет в сознании людей очень мало места для того, что не от земли.») (фр. orig. «L'activité matérielle, exagérée jusqu'aux proportions d'une manie nationale, laisse dans les esprits bien peu de place pour les choses qui ne sont pas de la terre.»); и акцент на контрасте между восприятием искусства Э.А. По и обществом, которое было совершенно не способно его проживать: «По, происходивший из хорошей семьи и, кроме того, исповедовавший, что великое несчастье его страны - не иметь расовой аристократии, поскольку, по его словам, в народе без аристократии культ Красоты может только развратиться, уменьшиться и исчезнуть, — который видел в своих согражданах, даже в их подчеркнутой и дорогой роскоши, характерные признаки дурного вкуса выскочек, — который считал Прогресс, великую идею современности, экстазом простаков, и называл улучшения человеческой среды обитания рубцами и угловатыми мерзостями» (перевод наш – прим. авт.) (фр. orig. Poe, qui était de bonne souche, et qui d'ailleurs professait que le grand malheur de son pays était de n'avoir pas d'aristocratie de race, attendu, disait-il, que chez un peuple sans aristocratie le culte du Beau ne peut que se corrompre, s'amoindrir et disparaître, – qui accusait chez ses concitoyens, jusque dans leur luxe emphatique et coûteux, sous les symptômes du mauvais

goût caractéristiques des parvenus, – qui considérait le Progrès, la grande idée moderne, comme une extase de gobe-mouches, et qui appelait les perfectionnements de l'habitable humain des cicatrices et des abominations rectangulaires, <...>) [Poe 1856: 10] Ш. Бодлер неспроста с таким жаром описывает положение американского поэта, ведь его жизненное положение как в искусстве, так и в финансовом плане во многом перекликается с его собственной ситуацией. Даже пессимистичный взгляд на Прогресс с большой буквы встречается нам не только в предисловии к произведениям По, но и в личных дневниках самого Бодлера, что приумножает убедительность тезиса о тенденции Бодлера смешивать личность свою с личностью По, превращать их в некое единое целое, просто по воле судьбы нашедшее свой поэтический язык на разных континентах: «Что может быть абсурднее Прогресса, ведь человек, как ежедневно доказывают факты, всегда подобен и равен человеку, то есть всегда находится в дикарском состоянии.» (фр. ориг. «Quoi de plus absurde que le Progrès, puisque l'homme, comme cela est prouvé par le fait journalier, est toujours semblable et égal à l'homme, c'est-à-dire toujours à l'état sauvage.») [Baudelaire 1868: 21] Таким образом, первая часть предисловия скорее поражает читателя описанной Ш. Бодлером непоправимой несправедливостью, совершённой по отношению к По, ни в чём не повинному поэту и писателю, сам По представляется гением, обруганным даже своими собственными близкими после своей смерти, и весь этот накал страстей с первой же страницы захватывает читателя, вызывает в нём сопереживание, которое станет впоследствии двигателем, подводящим читателя ко второй части предисловия.

Вторая часть предисловия так же занимает 9 страниц. Начинается она с фразы, описывающей семью Э.А. По, что уже настраивает читателя на небольшое биографическое путешествие: сейчас он, читатель, узнает весь путь этого мученика-творца, а у любого мученика есть и детство, и родители, и родной город. Именно с них и начинается Ш. Бодлер, говоря, что «семья По была одной из самых уважаемых в Балтиморе» (перевод наш – прим. авт.) (фр. ориг. «La famille de Poe était une des plus respectables de Baltimore») [Poe 1856: 11] Мы узнаём даже о дедке Э.А. По, участника войны за Независимость, «которого высоко ценил и с которым поддерживал дружеские отношения Лафайетт» (перевод наш – прим. авт.) (фр. ориг. Son grandpère maternel avait servi comme quarter-master-general dans la guerre de l'Indépendance, La Fayette l'avait en haute estime et amitié.) [Poe 1856: 11] Ш. Бодлер определённо хочет представить Э.А. По как потомка уважаемой семьи, значимой не только для США: «прапрадед женился на дочери английского адмирала Мака Брайда, который был связан с самыми знатными домами Англии.» (перевод наш – прим. авт.) (фр. ориг. «Le bisaïeul avait épousé une fille de l'amiral anglais Mac Bride, qui était allié avec les plus nobles maisons d'Angleterre.») [Poe 1856: 12] Для создания ещё более мрачной картины судьбы Э.А. По, Ш. Бодлер отмечает, что родители Э.А. По, «...умерли в Ричмонде почти одновременно, оставив троих малолетних детей, включая Эдгара, брошенными и обездоленными.» (перевод наш – прим. авт.) (фр. ориг. «Les deux époux moururent à Richmon d, presque en même temps, laissant dans l'abandon et le dénûment le plus complet trois enfants en bas âge, dont Edgar.»). [Poe 1856: 12] В этой части Ш. Бодлер выступает не как переводчик, но как летописец жизни американского поэта: он представляет все препоны, с которыми пришлось столкнуться Э.А. По, что, конечно, делает его тем более таким отверженным даже самой судьбой героем. Такое противопоставление перекликается с той антиномией, в которой жили литераторы Франции: молодая парнасская школа противопоставляла себя великим признанным классикам (Мольер, Лафонтэн, Корнель...), объявляя новые ценности: согласно взглядам этих литературных революционеров, совершенствование поэтического искусства должно происходить за счет обезличенности искусства и его

отказа от социальных и политических обязательств; искусство не должно быть полезным или добродетельным, его единственной целью должна быть красота; Теофиль Готье, яркий парнасец в вызывающем красном жилете, объявляет новый лозунг: «Искусство ради искусства» - «L'art pour l'art».

Далее Ш. Бодлер описывает жизнь Э.А. По поэтапно: от спутанной тем же господином Грисвольдом даты рождения Э.А. По до путешествий в Англию, Шотландию и Ирландию, организованных приёмными его родителями, поступлении в университет в США и скором исключении оттуда, причиной которого Ш. Бодлер называет «не только почти взвешенный ум, но и почти зловещее обилие страстей» (перевод наш – прим. авт.) (фр. ориг. <...> il se distingua, non seulement par une intelligence quasi miraculeuse, mais aussi par une abondance presque sinistre de passions, – une précocité vraiment américaine, – qui, finalement, fut la cause de son expulsion.) [Poe 1856: 13]. После исключения из университета Э.А. По решает отправиться на войну за независимость Греции от Османской империи, чтобы воевать против турков, однако след его теряется, и неизвестным образом он оказывается в Санкт-Петербурге: без паспорта, без связей, так, что ему приходится звонить американскому министру Генри Миддлтону, чтобы избежать наказания в России. Здесь Ш Бодлер признаёт это туманное место в биографии американского поэта неизвестным до сих пор: «этот пробел мог бы заполнить только он сам» (перевод наш – прим. авт.) (фр. ориг. «il y a là une lacune que lui seul aurait pu combler») [Poe 1856: 13].

На сегодняшний день описанные в первой биографии По события подробно изучены, и доказано, что ни быть в России, ни общаться с господином Миддлтоном Эдгар По не мог: этот запутанный клубок поэтапно и во всех деталях распутывается во введении к коллективной монографии «По, Бодлер, Достоевский: Блеск и нищета национального гения».

Здесь же отмечает событие, также перекликающее с жизнью самого Ш. Бодлера: «в его приемной семье произошло событие, которое имело самые серьезные последствия для всей его жизни. Миссис Аллан, к которой он, по-видимому, испытывал поистине сыновнюю привязанность, умирала, а мистер Аллан женился на очень молодой женщине.» (перевод наш – прим. авт.) (фр. ориг. «En même temps se passait dans sa famille adoptive un événement qui devait avoir les conséquences les plus graves sur toute sa vie. Madame Allan, pour laquelle il semble avoir éprouvé une affection réellement filiale, mourait, et M. Allan épousait une femme toute jeune.») [Poe 1856: 13]. Сам Ш. Бодлер также оказался травмирован в детстве: после смерти отца в отрочестве он был вынужден делить свою мать с ненавистным ему отчимом-военным. Также Бодлер упоминает изданный при жизни По поэтический сборник: «По опубликовал небольшой сборник стихов; то был воистину ослепительный рассвет. Для тех, кто умеет чувствовать английскую поэзию, поймёт, в ней уже есть что-то неземное, спокойствие в меланхолия, услаждающая читателя торжественность, преждевременно обретённый опыт – я хотел сказать, врожденный опыт, – которые характеризуют великих поэтов.» (перевод наш – прим. авт.) (фр. ориг. «Poe publia un petit volume de poésies ; c'était en vérité une aurore éclatante. Pour qui sait sentir la poésie anglaise, il y a là déjà l'accent extra-terrestre, le calme dans la mélancolie, la solennité délicate, l'expérience précoce, – j'allais, je crois, dire expérience innée, – qui caractérisent les grands poètes.») [Poe 1856: 14]. Так, французский поэт лишь рассыпается в комплиментах и похвале по отношению к работам американского коллеги, не приводя, однако, никаких объективных характеристик текста, с которым он работал, останавливаясь на изложении субъективного восприятия. К тому же, он не приводит переводов стихов Э.А. По в данном сборнике, о которых упоминает,

они появятся позже. К 1888 году их также представит публике уже Стефан Малларме. Тем не менее, данная Ш. Бодлером характеристика поэзии Э.А. По позволяет нам сопоставить, насколько предложенные им эпитеты перекликаются с его собственным взглядом на красоту: «Я нашел определение Красоты — моей Красоты. Это что-то пылкое и печальное, что-то немного расплывчатое, оставляющее место для догадок.» (перевод наш – прим. авт.) (фр. оригинал. «J'ai trouvé la définition du Beau, - de mon Beau. C'est quelque chose d'ardent et de triste, quelque chose d'un peu vague, laissant carrière à la conjecture.») [Baudelaire 2004] Сам Ш. Бодлер многократно характеризует самого По словами из того же смыслового поля: *triste, énigme, génie, seul, pauvre...* Бодлер в предисловии произносит синонимичные тезисы при описании текстов По: «странность – неотъемлемая часть красоты» (перевод наш – прим. авт.) (фр. оригинал. «l'étrangeté est une des parties intégrantes du beau») [Poe 1856: 14]. Далее Ш. Бодлер описывает расстроенные отношения Э.А. По с его издателями, о его жизни в «крайней нищете» (перевод наш – прим. авт.) («une misère extrême»), что опять же перекликается с положением самого Ш. Бодлера. [Poe 1856: 14] Так, например, год спустя после выхода сборника стихов самого Ш. Бодлера, он стал объектом порицания и унижения. Журналист и зять основателя газеты «Figaro» Гюстав Бурден со злобой отреагировал на сборник в колонках 5 июля 1857 г.: «Бывают моменты, когда сомневаешься в умственном состоянии М. Бодлера, бывают моменты, когда уже не сомневаешься; — чаще всего это монотонное и преднамеренное повторение одних и тех же вещей, одних и тех же мыслей. Одиозное соседствует с неблагородным, отталкивающее — с мерзким...» [Figaro] Представляется не вполне уместным назвать такие переклички интертекстуальностью, однако сложно отрицать, что схожесть судеб, отверженность обществом, обруганное их искусство сближает их как фигуры, делает поэтический язык Э.А. По понятным для Ш. Бодлера,

Говоря о понимании поэзии Ш. Бодлером, нельзя не упомянуть случай его апроприации слов Э.А. По при написании «Новых заметок» («Notes Nouvelles sur Edgar Allan Poe») и статьи о Теофиле Готье. Этот случай выделяет в своей статье исследователь Мишель Брикс: «[...] несколько страниц «Новых заметок» (1857) [доходят] до копирования, не озвучивая этого и не добавляя никаких комментариев, текста По под названием «Поэтический принцип». Можно ли согласиться с Жоржем Вальтером в том, что подобная цитата доказывает, что французский поэт «в конце концов спутал себя со своим братом»? Возможно.» (перевод наш – прим. авт.) (фр. оригинал. «[...] plusieurs pages de « Notes nouvelles » (1857) [vont] jusqu'à démarquer, sans le dire et sans ajouter aucun commentaire, le texte de Poe intitulé « The Poetic Principle ». Peut-on affirmer avec Georges Walter que pareille citation atteste que le poète français « a fini par se confondre avec son frère » ?) [Brix 2003: 57] [Bandy 1967: 332] Это не единственный случай, когда Ш.Бодлер «спутал себя со своим братом». Четыре года спустя, в тексте статьи 1861 года Ш. Бодлер пишет: «Иногда, я полагаю, допустимо цитировать самого себя, особенно, чтобы избежать перефразирования. Поэтому я повторяю: ...» Далее, после этого заявления, следуют две полные страницы текста из статьи Э.А. По «Поэтический принцип»: без кавычек и ссылок на автора. Стоит подчеркнуть, что не только полные восхищения и трепета высказывания Ш. Бодлера стали поводом для осознания особенности связи между двумя фигурами, но и это копирование, которое сегодня мы бы смело назвали плагиатом, однако в данном случае мы склонны использовать выражения «смешение, соединение личностей», «переплетённость с другим» — этого мнения придерживается и Сэнди Пекастэн: «Переводя произведения По, Бодлер "говорит голосом великого поэта". Американский писатель дает голос переводчику: эффект эха, нечто большее, чем совокупность. Но дар этот взаимный. Каждый является проводником для другого. Бодлер — и марионетка, и чрево вещатель. Он передает свои собственные

слова внутри призрачных слов По, которые полностью написаны на его родном языке.» (фр. ориг. «En traduisant l'oeuvre de Poe, Baudelaire « parle par la voix d'un grand poète ». L'écrivain américain donne de la voix au traducteur : un effet d'écho, un surplus d'universalité. Mais le don est réciproque. Chacun est le passeur de l'autre. Baudelaire est à la fois la marionnette et le ventriloque. Il fait passer sa propre parole à l'intérieur de la parole spectrale de Poe qui (se) passe tout entière dans sa langue.») [Pecastaing 2014: 38] Исследователь Марсель Брикс, тем не менее, предостерегает от восприятия такого пересечения как свидетельства о том, что губительные привычки По «представляли собой [в] глазах [Бодлера] ценные черты»: «Руфус Грисволд [...] обвинил писателя в алкоголизме. В "Искусственном рае" Бодлер [...] дополнил это, указав, что По также был опиумным наркоманом. Должны ли мы следовать бодлеровцам, утверждающим, что французский поэт хотел если не найти предшественника, то хотя бы сконструировать модель проклятого поэта, совершающего главные грехи, чтобы превратить их в вызов обществу? Это еще предстоит доказать, так же, как и то, что алкоголизм и опиумная зависимость были чертами Бодлера или качествами в его глазах. В сущности, нет ничего менее определенного.» (перевод наш – прим. авт.) (фр. ориг. «Rufus Griswold [...] accusait l'écrivain d'alcoolisme. En le reprenant, Baudelaire [...] en rajoute, dans les Paradis artificiels, en signalant que Poe était également opiomane. Faut-il suivre ici les baudelairistes qui ont affirmé que le poète français voulait, sinon se trouver un prédécesseur, en tout cas construire un modèle de poète maudit qui commettait les péchés majeurs pour les retourner en défi contre la société ? Cela resterait à prouver, tout comme il resterait à prouver que l'alcoolisme et l'opiomane étaient des traits de Baudelaire, ou constituaient à ses yeux des qualités. Rien n'est moins certain, en fait.») [Brix 2003: 57] «Искусственный рай» (фр. ориг. «Les Paradis Artificiels») – это книга Шарля Бодлера, впервые опубликованная в 1860 году. В ней он описывает состояния наркотического опьянения и размышляет, способны ли они теоретически помочь человечеству в достижении «идеального» мира; в ней Марсель Брикс не находит убедительных аргументов в подтверждение теории, что Бодлер считал зависимость каким-то особым условием или чертой артиста.

Во второй главе предисловия Ш. Бодлер также упомянет «первые приступы алкогольного делирия» (перевод наш – прим. авт.) (фр. ориг. «les premières attaques du delirium tremens») [Пое 1856: 16]. Сам же Ш. Бодлер также страдал от зависимости: опиумной. Общие места в биографии позволяют француззу чувствовать себя тем самым «братом», как выразился Жорж Вальтер, способным представить наилучший перевод текстов американского поэта. Также в этой части представлена смерть Э.А. По и его тёплые отношения с госпожой Клемм, «которая с нежностью залечивала его раны» (перевод наш – прим. авт.) (фр. ориг. «...> la femme qui pansait ses blessures avec sa tendresse <...>») [Пое 1856: 20]. Госпожа Клемм, тётя Эдгара По по отцовской линии, относилась к племяннику по-матерински, а сам Эдгар По называл её матерью. Будучи глубоко впечатлённым историей привязанности госпожи Клемм к Эдгару По, Ш. Бодлер помещает её имя на первую страницу, посвящая свой перевод ей и приводя стих, который сам Э.А. По подписал «à ma mère» – матери.

В третьей главе предисловия, которая представляет собой 6 страниц, Ш. Бодлер подробно описывает манеры, жесты, черты американского поэта. Он приводит как описание внешности: «несмотря на маленький рост, женственные руки и ноги, все его тело носило отпечаток женственности, При этом он был более чем крепок и способен на удивительные по силе подвиги.» (фр. ориг. bien qu'il fût petit, avec des pieds et des mains de femme, tout son être portant d'ailleurs ce caractère de délicatesse féminine, il était plus que robuste et capable de merveilleux traits de force.) [Пое 1856: 21] В этой

главе Ш. Бодлер анализирует тексты Э.А. По, но как: на предмет любви: «в новеллах По никогда нет любви» (перевод наш – прим. авт.) (фр.ориг. «Dans les Nouvelles de Poe, il n'y a jamais d'amour»), «в своих статьях он иногда говорит о любви, как о том, чье имя заставляет дрожать перо» (перевод наш – прим. авт.) (фр. orig. «Dans ses articles, il parle quelque fois de l'amour, et même comme d'une chose dont le nom fait frémir la plume.»); на способ описания женщин: «Его женские портреты как бы озарены ореолом, они светятся сверхъестественной дымкой и написаны в подчеркнутой манере богомольца.» (перевод наш – прим. авт.) (фр. orig. «Ses portraits de femmes sont, pour ainsi dire, auréolés ; ils brillent au sein d'une vapeur surnaturelle et sont peints à la manière emphatique d'un adorateur.») [Poe 1856: 24] Ничто из этого не помогает нам сделать вывод о переводческой стратегии Ш, Бодлера, но скорее наталкивает на осознание, почему французский поэт так много внимания уделяет деталям, касающимся Э.А. По: его целью, вероятнее всего, является не представление своей работы как переводчика, но акцент на том, насколько *правомерным* (курсив наш – прим. авт.) является его перевод, насколько он, Шарль Бодлер, совпадает с Эдгаром По, насколько он разделяет те же взгляды, те же видения, те же позиции, даже (во многом) ту же судьбу. Он нигде не заявляет об этом прямо, однако сравнительный анализ отчётливо даёт это понять.

Четвёртая, последняя глава занимает всего 3 страницы, начинается она со знакового жеста Ш. Бодлера: «О произведениях этого необыкновенного гения мне нечего сказать; публика сама поймёт, что она о них думает» (перевод наш – прим. авт.) (фр. orig. «Des ouvrages de ce singulier génie, j'ai peu de chose à dire ; le public fera voir ce qu'il en pense») [Poe 1856: 28] Тем не менее, это лишь формальное снятие с себя ответственности за рекомендацию или настояние: далее Бодлер описывает в распространённых и витиеватых предложениях всё своё видение текстов Э.А. По и его самого – «По писатель нервов, и даже чего-то большего, — и лучший из всех, кого я знаю.» (фр. orig. Poe est l'écrivain des nerfs, et même de quelque chose de plus, – et le meilleur que je connaisse.), «ни один человек, повторюсь, не поведал с большей магией об исключительностях из человеческой жизни и природы» (перевод наш – прим. авт.) (фр. orig. «Aucun homme, je le répète, n'a raconté avec plus de magie les exceptions de la vie humaine et de la nature») [Poe 1856 : 29]. В один ряд с Э.А. По Бодлер ставит и Дидро, «кровавого писателя» (ему он противопоставляет По, «писателя нервов»), и Делакруа («Как и наш Эжен Делакруа, поднявший свое искусство до уровня великой поэзии, Эдгар По любит создавать свои фигуры на фиолетовых и зеленоватых фонах, где ощущается фосфоресценция разложения и запах бури.») (перевод наш – прим. авт.) (фр. orig. «Comme notre Eugène Delacroix, qui a élevé son art à la hauteur de la grande poésie, Edgar Poe aime à agiter ses figures sur des fonds violâtres et verdâtres où se révèlent la phosphorescence de la pourriture et la senteur de l'orage.»). Несомненно, тот факт, что Бодлер ставит По в один ряд с такими гениями Франции недвусмысленно свидетельствует о том, как высоко он его ценит: разумеется, он говорит об этом и прямо, но для наглядности своего понимания величины фигуры Э. По он ставит рядом с ним всем известных французских выдающихся людей искусства.

Представление же самого перевода укладывается в один абзац в самом конце предисловия. Ш. Бодлер указывает, что избранные «истории» (фр. orig «contes»), «новеллы» (фр. orig. «nouvelles»), критические и другого характера статьи, «философская поэма "Эврика"» (фр. orig. «poème philosophique» (Eureka)), стихотворения, «исключительно человеческий роман» (фр. orig. «un roman purement humain») были объединены в рамках этого издания, но не самим Э.А. По. Это первый сборник переводов работ Э.А. По, который публикует Бодлер. До этого он смог

опубликовать один перевод – «Révélation magnétique» — в 1848 в году. Следующий сборник переводов текстов Э.А. По пера Ш. Бодлера выйдет год спустя после «Histoires extraordinaires» (1856) – в 1867 г., под названием «Nouvelles histoires extraordinaires».

Что достаточно удивительно, Бодлер не представляет, по сути, своей работы, своего перевода, а как будто бы «откладывает» это на будущее, обещая сделать это при случае: «"Если, как я надеюсь, я еще найду возможность рассказать об этом поэте, то представлю анализ его философских и литературных взглядов <...>» (фр. ориг. «Si je trouve encore, comme je l'espère, l'occasion de parler de ce poète, je donnerai l'analyse de ses opinions philosophiques et littéraires <...>») Опять же, Бодлер не говорит о переводе, он говорит о личности По, его взглядах, позициях, которые, по мнению Бодлера, как будто бы и есть анализ его текстов с переводческой точки зрения: т.е. читатель, проникнувшись личностью американского писателя, несомненно найдёт всё в тексте перевода, ведь его глаз и ухо уже будут настроены на тот самый особый лад, который Бодлер описывает на протяжении 30 страниц предисловия.

Окончание предисловия заключается во фразе, укалывающей широкую публику: «я представлю анализ его <...> произведений, полный перевод которых имеет мало шансов на успех у публики, предпочитающей развлечения и эмоции важнейшим философским истинам.» (перевод наш – прим. авт.) («je donnerai l'analyse de ses <...> oeuvres dont la traduction complète aurait peu de chances de succès auprès d'un public qui préfère de beaucoup l'amusement et l'émotion à la plus importante vérité philosophique») [Poe 1856: 31]. Финальная фраза предисловия с таким налётом элитизма как бы сообщает читателю, что перед ним – особый текст, а значит – и перевод его может быть лишь особым, ведь на протяжении всего предисловия переводчик неоднократно иллюстрировал и доказывал, насколько он знает автора текста.

Библиография

1. Bentabet F. Baudelaire, traducteur d' Edgar Poe. Режим доступа: <http://dspace.univ-tlemcen.dz/bitstream/112/8671/1/bentabet-fafa.pdf>
2. Asselineau C. Bibliographie Romantique. Genève: Slatkine Reprints, 1967.
3. Asselineau C. Baudelaire, sa vie et son œuvre. Paris: Alphonse Lemerre. 1869. Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1057592p/f11.item>
4. Baudelaire C. Correspondance Générale / Ed. by Jacques Crépet, Paris, Conard, 1948, IV.
5. Woodsworth J. Traducteurs et écrivains : vers une redéfinition de la traduction littéraire // TTR: Traduction, terminologie, rédaction », Vol.1, No.1, 1988. Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/59324962.pdf>
6. Baudelaire C. Journaux intimes / Ed. by Ebooks libres et gratuits: Ebooks libres et gratuits 2004. Режим доступа: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/13792/pg13792.html>
7. Baudelaire C. Mon coeur mis à nu / in «Histoire des Histoires extraordinaires», Paris: Conard, 1932.
8. Baudelaire C. Les Fleurs du mal. Paris: Michel Lévy frères, 1868.
9. Hennequet C. Baudelaire traducteur de Poe. Paris: Université de la Sorbonne Nouvelle (Paris III). 2005.
10. Poe E.A. Histoires Extraordinaires / Trad. par Charles Baudelaire. Paris: Michel Lévy Frères, Libraires-éditeurs, 1856.
11. Gallix F. Les traducteurs des histoires d'Edgar Allan Poe // Loxias. 2010. No.28, mis en ligne le 14 mars 2010. Режим доступа: <http://revel.unice.fr/loxias/index.html?id=5992>
12. Aurevilly J. B. Les Œuvres et les hommes: Les Poètes. Paris: Librairie Amyot, Editeur, 1862.
13. Lemonnier L. Edgar Poe et la Critique Française de 1845 a 1875. (1828): Les traducteurs

- d'Edgar Poe en France de 1845 à 1875 : Charles Baudelaire. Paris: Slatkine Reprint, 2011.
14. Porée M. Poe, de près. // En Attendant Nadeau (88), 2019. Режим доступа: <https://www.en-attendant-nadeau.fr/2019/10/08/poe-de-pres/>
15. Natta M.-C. Baudelaire. Paris: Perrin, 2017.
16. Brix M. Baudelaire, "disciple" d'Edgar Poe ? // Romantisme. 2019. No 122. Режим доступа: https://www.persee.fr/doc/roman_0048-8593_2003_num_33_122_1221
17. Décaudin M. Anthologie de la poésie française du XIXe siècle: de Baudelaire à Saint-Pol-Roux. Paris: Gallimard, 1992.
18. Jones M. Poe, Baudelaire and Mallarmé: A Problem of Literary Judgement // The Modern Language Review. 39(3). 1944. pp. 236-246. (режим доступа: https://www.jstor.org/stable/3717860?read-now=1&oauth_data=eyJlbWFpbCI6InRldGVub3ZhLm1hcmlpYUBnbWFpbC5jb20iLCJpbnN0aXR1dGlvbklkcyI6W10sInByb3ZpZGVyIjoZ29vZ2xlIn0#page_scan_tab_contents)
19. Valéry P. Situation de Baudelaire. Monaco: Imprimerie de Monaco. 1924. Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k134058r/f19.item#>
20. Kopp R. Baudelaire, le soleil noir de la modernité. Paris: Découvertes Gallimard, Collection Littératures. 2004.
21. Pecastaing S. Poe et Baudelaire : pour une hantologie du texte // Littératures. Bordeaux: Université Michel de Montaigne Bordeaux III, 2013.
22. Bandy W.T. Baudelaire et Poe : vers une nouvelle mise au point // Revue d'histoire littéraire de la France. Paris. 1967. No 2. 480 p. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/40523045>
23. По, Бодлер, Достоевский: Блеск и нищета национального гения / Коллективная монография; сост. Вступ. Статья А. Уракова, С. Фокин. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 496 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Переводческая мотивация и предисловие Шарля Бодлера «Edgar Poe, sa vie et ses œuvres» к изданию текстов Э. А. По», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к особенностям переводческих трансформаций, работая с англоязычными текстами, используя язык реципиент французский.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что работа направлена на изучение важности переводческих комментариев при проведении переводческих трансформаций, а именно комментариев Шарля Бодлера, известного французского поэта XIX века, на переводимое произведение американского писателя.

Научная работа выполнена в русле современных научных подходов, профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. В своем исследовании автор прибегает к научному обобщению литературы по избранной теме и анализу фактических данных. Структурно работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. При комплексном и подробном описании использовались методы теоретического исследования и метод сравнения. В практической части использовались как общенаучные методы, так и специфические

лингвистические. Отбор материала проводился методом сплошной выборки. Практическим материалом исследования послужил выходит сборник рассказов Э. А. По в переводе Ш. Бодлера под названием «Histoires extraordinaires», к которому переводчик пишет объёмное предисловие, разделённое на 4 главы. Теоретические материал подкреплен художественными отрывками из рассматриваемого произведения на французском языке.

Библиография статьи насчитывает 22 источника, среди которых присутствуют исключительно зарубежные работы. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, а также иные работы отечественных лингвистов.

Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников.

Однако, данные замечания носят рекомендательный характер и не оказывают существенное влияние на восприятие представленного на суд читателя научного текста. В статье намечена перспектива дальнейшего исследования. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, литературоведам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Полученные результаты могут быть использованы при разработке курсов по теории и практике перевода. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «Переводческая мотивация и предисловие Шарля Бодлера «Edgar Poe, sa vie et ses œuvres» к изданию текстов Э. А. По» положительное, она может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.